

ности» века означало разочарование в социальных установлениях, морали и познавательных возможностях людей этого времени. «Клянутся именем добродетели и спорят о существовании ее», — говорит путешественник в «Острове Борнгольме». Понятие добродетели, которое, очевидно, признают все враждующие стороны, оказывается релятивным. Из этой релятивности вырастает насилие и преступление.

Старец «Острова Борнгольма», произнесший проклятие и творящий жестокость во имя добродетели, независимо от своих субъективных стремлений, делит со своими современниками «пагубное заблуждение» относительно существа «законов неба» и «добродетели». Образ его не случайно погружен в стихию средневековья, а в монологе его звучит тема исторического прошлого, тяготеющего над жителями Борнгольма и Рюгена. Содержание его понятий о добродетели оказывается обусловленным этим прошлым; формы же защиты и утверждения ее несут на себе печать средневекового варварства.

Так в «Острове Борнгольме» намечается выход в общие проблемы философии истории. Конечно, здесь нет исторической концепции в точном смысле слова, есть лишь ее эмоциональный прообраз. Есть ощущение глубокой трагичности конкретных форм исторического бытия. Конфликт между «законами неба» и «добродетели» и законами «природы» и «сердца» принципиально неразрешим, антиномичен, так как рок, тяготеющий над героями Карамзина, не есть только нечто внешнее, но и заключен в глубинах их собственного сознания. «Заблуждение» не может быть осознано как заблуждение, ибо для этого нужно подняться на новый уровень просвещенности. Силой же этого заблуждения преступление и добродетель оказываются почти тождественны.

Рассказчик отказывается от суждений насчет увиденного, ибо в рациональной, логической сфере никакого суда над какой-либо одной из сторон произнести он не может. Его позиция лежит за пределами временных законов мышления и морали — в сфере эмоциональной. Он судит своих героев судом интуиции: «... миловидное лицо твое, ... тихое движение груди твоей, ... собственное сердце мое уверяют меня в твоей невинности». Внутреннее чувство рассказчика, таким образом, устанавливает свою иерархию духовных ценностей, и в этой моральной сфере любовники оказываются оправданными. И далее нам приходится обратить внимание на рассуждение о благах природы-утешительницы, даров которой лишена узница в подземелье. Это — признание жестокости и поэтому несправедливости наказания и вместе с тем очень сильный для Карамзина аргумент, ибо при-